

Бальмонт
Константин
Дмитриевич
(1867—1942)

«Легкая, чуть прихрамывающая походка точно бросает Бальмонта вперед, в пространство. Вернее, точно из пространств попадает Бальмонт на землю — в салон, на улицу. И порыв переламывается в нем, и он, поняв, что не туда попал... надевает пенсне и надменно (вернее, испуганно) озирается по сторонам, поднимает сухие губы, обрамленные красной, как огонь, бородкой... И оттого-то весь облик его двоится. Надменность и бессилие, величие и вялость, дерзновение, испуг — все это чередуется в нем, и какая тонкая прихотливая гамма проходит на его истощенном лице, бледном, с широко раздувающимися ноздрями! ...мстительный гений грозы, демон сжигающей страсти ... сам рыжебородый Тор, но Тор, бредущий тоскливо по Арбату в октябрьский день, когда струи дождя дни и ночи натянуты над городом. Он останавливается ... и вдруг надменно топнет ногой по мокрому асфальту: "Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце!"» — таким запечатлел облик поэта Андрей Белый.

Шуя. Дом семьи Бальмонтов

Учитель русского языка и литературы Высоцкая Е.А

Учился К. Д. Бальмонт в шуйской гимназии, откуда был исключен за принадлежность к нелегальному кружку, и курс кончил во владимирской гимназии

Надпись на мемориальной табличке гласит: "Здесь с 1876 по 1884 гг. в мужской классической гимназии учился известный русский поэт К.Д. Бальмонт". Теперь это – средняя школа № 2. Она носит имя поэта.

В 1886 году поступил на юридический факультет Московского университета, но уже в 1887 году был исключен за участие в студенческих беспорядках. Принятый вновь в 1888 году, вскоре оставил университет вследствие сильного нервного расстройства, закончившегося через год тем, что он выбросился из окна 3-го этажа. Полученные при этом переломы повели за собою «год лежания в постели», но, вместе с тем, по собственным его словам, «небывалый расцвет умственного возбуждения и жизнерадостности».

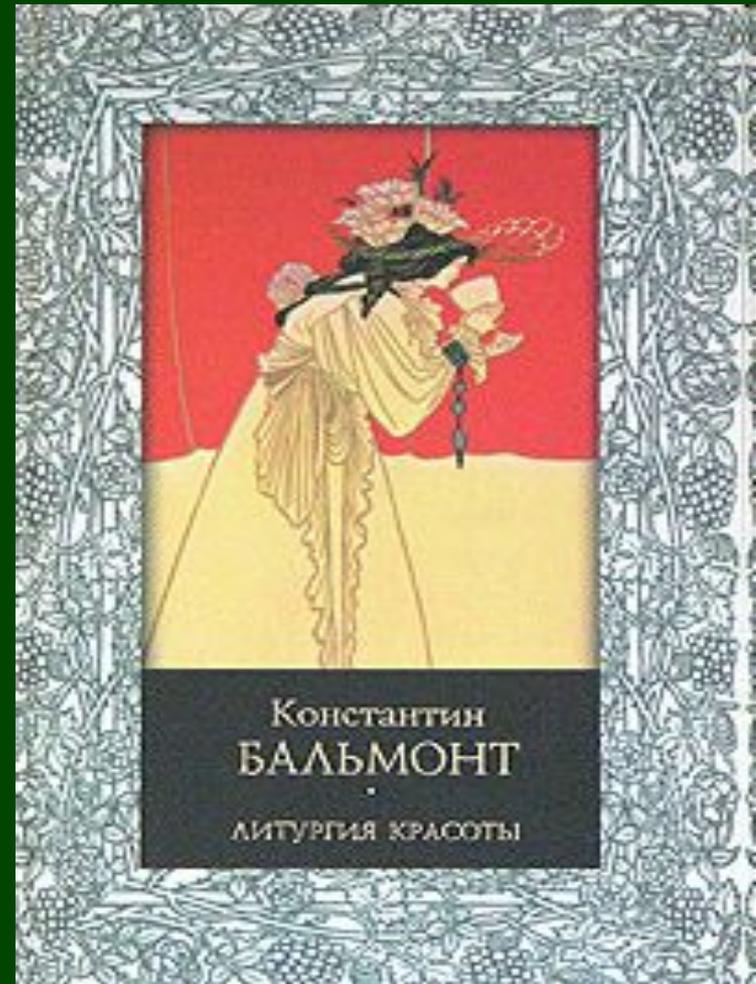
С помощью московских друзей стал получать заказы на переводы. Сблизился с В. Г. Короленко, поддержавшим Бальмонта в начале литературного пути. В 1899 избран членом Общества любителей российской словесности.

В числе первых книг Бальмонта — изданные в Москве сборники «В безбрежности» (1895), «Горящие здания».

Отношения с властями у Бальмонта по-прежнему напряжённые. В 1901 году за антиправительственное стихотворение «Маленький султан» поэт на два года был лишён права проживания в столичных и университетских городах.

Конец 1890-х и начало 1900-х для Бальмонта — период очень плодотворной поэтической работы. Он создаёт множество романтических стихов, в том числе откровенно-эротических. Опубликованные в Москве сборники «Будем как Солнце», «Только любовь. Семицветник» (1903), «Литургия красоты» (1905) и «Горные вершины» (эссе, 1904) принесли Бальмонту славу. С 1907 по 1914 в Москве вышло «Полное собрание стихов» Бальмонта в десяти томах.

В начале 1900-х он провёл некоторое время в Италии, Испании, Англии и Франции; в конце 1904 предпринял путешествие в Мексику. В 1905 вернулся в Россию.

Участие поэта в политической жизни продолжается. В декабре 1905 Бальмонт, как он потом сам писал, «принимал некоторое участие в вооружённом восстании Москвы, больше — стихами». Примерно в 1906 пишет знаменитое стихотворение «Наш царь», посвящённое Николаю II.

Поэт сближается с Максимом Горьким, сотрудничает с социал-демократической газетой «Новая жизнь» и с издаваемым А. В. Амфитеатовым журналом «Красное знамя». В самом конце 1905 Бальмонт нелегально покидает Россию и приезжает в Париж. В последующий период он много путешествует, пишет путевые очерки.

В 1913 политическим эмигрантам по случаю 300-летия Дома Романовых была предоставлена амнистия, и 5 мая 1913 Бальмонт возвращается в Москву. Он приветствует Февральскую революцию, а затем категорически не принимает Октябрьскую революцию. Из-за неприятия новой власти он в июне 1920 покидает Россию, через Эстонию выезжая в Германию. Обосновался во Франции.

Последние 20 лет жизни поэт провёл в эмиграции, страдая от душевной болезни и бедности. В 1927 совершил лекционное турне по Польше (Варшава, Белосток, Лодзь, Вильно, Гродно, Львов, Краков, Познань) и Чехословакии. Выступал в Болгарии. Летом 1930 совершил поездку в Литву.

туры Высоцкая Е.А

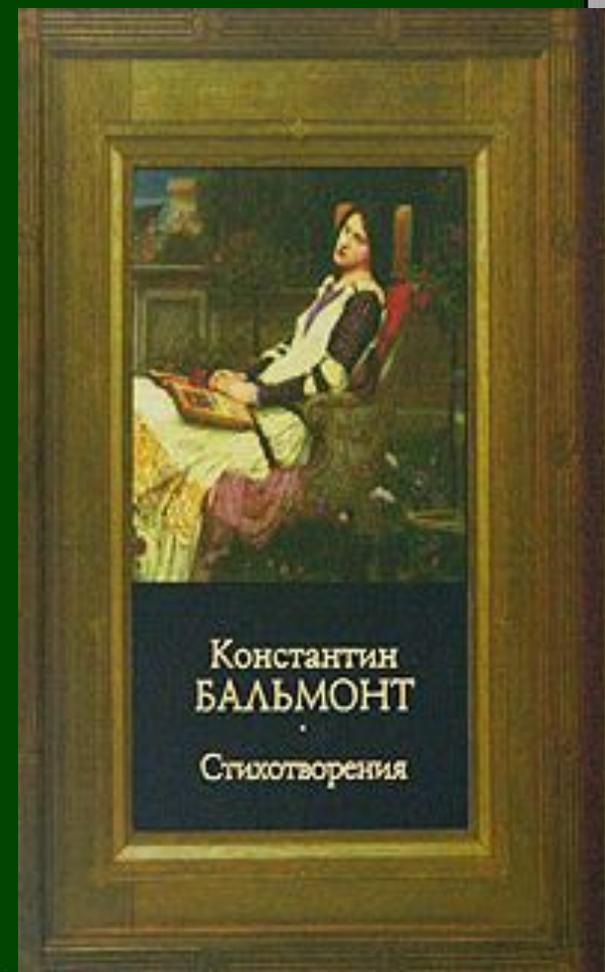
БЕ

Творчество в эмиграции

В эмиграции активно сотрудничал в газете «Последние новости», журнале «Современные записки», в многочисленных русских периодических изданиях, выходивших в Болгарии, Германии, Латвии, Литве, Польше, Чехословакии, Эстонии. Издал книгу воспоминаний «Где мой дом?» (Прага, 1924), написал документальные очерки «Факел в ночи» и «Белый сон» о пережитом зимой 1919 в революционной России.

Публикует в разных странах книги стихов «Дар Земле», «Светлый час» (1921), «Марево», «Песня рабочего молота» (1922), «Моё — ей. Стихи о России» (1923), «В раздвинутой дали» (1929), «Северное сияние» (1933), «Голубая подкова», «Светослужение» (1937). В 1923 выпустил книги автобиографической прозы «Под новым сердцем» и «Воздушный путь». В

1930 опубликовал перевод «Слова о полку

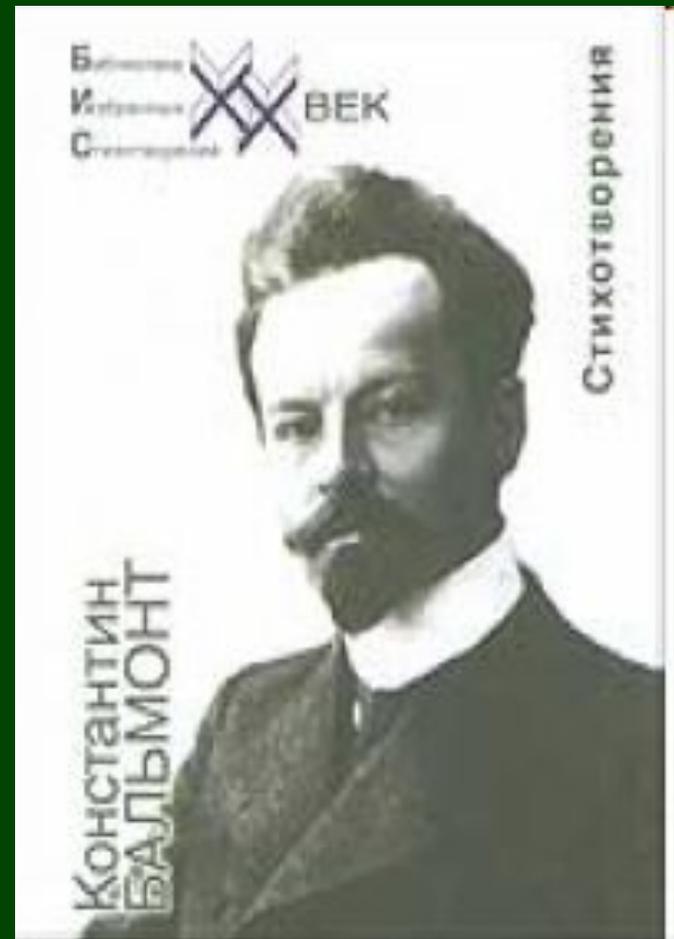

Учитель русского языка и литературы Высоцкая Е. А.

155

Обложка книги: Лирика

Обложка книги:
Стихотворения

Я не знаю мудрости, годной для других,
Только мимолетности я влагаю в стих.
В каждой мимолетности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: плыву.
И зову мечтателей... Вас я не зову!

Я не знаю мудрости, годной для других,
Только мимолетности я влагаю в стих.
В каждой мимолетности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: плыву.
И зову мечтателей... Вас я не зову!

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вокруг раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

А внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

Учитель русского языка и литературы Высоцкая Е. А

Безглагольность

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора,-
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далёко-далёко.
Во всем утомленье - глухое, немое.

Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада,-
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно..

Камыши

Полночной порою в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши.

О чем они шепчут? О чем говорят?
Зачем огоньки между ними горят?

Мелькают, мигают - и снова их нет.
И снова забрезжил блуждающий свет.

Полночной порой камыши шелестят.
В них жабы гнездятся, в них змеи свистят.

В болоте дрожит умирающий лик.
То месяц багровый печально поник.

И тиной запахло. И сырость ползет.
Трясина заманит, сожмет, засосет.

"Кого? Для чего? - камыши говорят,-
Зачем огоньки между нами горят?"

Но месяц печальный безмолвно поник.
Не знает. Склоняет все ниже свой лик.

И, вздох повторяя погибшей души,
Тоскливо, бесшумно, шуршат камыши.

Я - изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты - предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я - внезапный излом,
Я - играющий гром,
Я - прозрачный ручей,
Я - для всех и ничей.

Переплеск многопенный, разорванно-слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переклички лесные зеленого мая -
Все пойму, все возьму, у других отнимая.

Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я - изысканный стих.

Какое оно? Я поэта? Что они

- позу стихийного гения;
- эгоцентризм;
- безразличие к условиям быта и морали;
- восторженное отношение к самому себе;
- уверенность в своей солнечности;
- удивление перед богатством мира, радость открытий в себе и других;
- бравурное самоудовлетворение;
- владыка собственного мира;
- “Не для меня законы, раз я гений”.

Переводческая деятельность

Чрезвычайно широк круг иноязычных литератур и авторов, которых переводил Бальмонт. В 1887—1889 он занимался преимущественно переводами западноевропейских поэтов. После поездки в Скандинавские страны (1892) увлечение Скандинавией сказалось в переводах Георга Брандеса, Генрика Ибсена.. В 1893—1899 издаёт в семи выпусках сочинения П. Б. Шелли в своём переводе с вступительной статьёй, в 1895 — две книги переводов из Эдгара По. Переводил испанских поэтов и драматургов, английских поэтов, прозаиков, польских и чешских писателей, грузинскую эпическую поэму «Витязь в тигровой шкуре» Шоты Руставели, литовские народные песни, стихи Шарля Бодлера. После посещения Японии в 1916 году переводил танка и хокку различных японских авторов, от древних до современных.

К.Д.Бальмонт, Е.К. Цветковская, Мирра Бальмонт
с семьей И.С. Шмелева. 1920-е гг.

Учебник русского языка и литературы Высоцкая Е.А

58